

ИСТОРИЯ КОДИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА въ Россіи.

«Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо — то ему и нравится, что разумно — то ему и подавай, а откута оно идегъ — ему все равно»

Григорьевъ. Хорь и Калинычъ

§ 1. Древнѣйшій періодъ. Въ тотъ моментъ, когда исторія застаётъ восточныхъ славянъ, они живутъ родовымъ бытомъ. „Поляномъ же живущимъ особѣ и володѣющимъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху каждый своимъ родомъ“ (П. С. Р. Л. изд. 1846, т. I, стр. 4). Нѣтъ никакого основанія не довѣрять лѣтописцу или предполагать, что со словомъ „родъ“ у него соединялось иное представленіе, чѣмъ у насъ. Эта масса политически самостоятельныхъ единицъ должна была находиться въ постоянныхъ враждебныхъ другъ другу отношеніяхъ. „И не бѣ въ нихъ правды и вѣста родъ на родъ быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаха сами на ся“. (П. С. Р. Л. т. I, стр. 8). Потребность

въ посредникѣ, который бы примирялъ взаимные интересы родовъ и въ то же время обладалъ бы достаточною силою, чтобы заставить самый сильный родъ подчиниться его рѣшенію. и побудила въ концѣ концовъ обратиться къ чужеземнымъ варягамъ. Примѣръ не единственный въ исторіи.

При политической обособленности славянъ ихъ раздѣляла еще. благодаря разнымъ условіямъ жизни и соприкосновеніямъ, и культурная разобщенность. „Имяху же обычаи свои законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ“ (П. С. Р. Л. т. I стр. 6). Лѣтописецъ особенно подчеркиваетъ культурное различіе между полянами и древлянами. Благодаря огромному пространству, занятому рѣдкимъ населеніемъ, правила общежитія, необходимыя въ каждой общественной группѣ, должны были быть весьма разнообразны. Только общность происхожденія, гдѣ она не успѣла еще стереться въ памяти, и взаимныя встрѣчи, мирныя или враждебныя, могли поддерживать нѣкоторое единство въ этихъ правилахъ.

Въ виду указанныхъ политическихъ и культурныхъ условій, нормы права, если признать ихъ уже нѣсколько выдѣлившимися къ этому времени изъ правилъ общежитія, могли имѣть силу только въ предѣлахъ каждаго племени, а можетъ быть и рода. Отсюда совершенная неправдоподобность предположенія о существованіи какого то кодекса, содержавшаго въ себѣ общеславянское право.

Общее всѣмъ родамъ правило общежитія, поддерживавшее до нѣкоторой степени порядокъ во взаимныхъ отношеніяхъ — это обязанности мести со стороны всѣхъ родичей убитаго или оскорбленнаго виновнику и даже всѣмъ его родичамъ. Хотя некультурный человекъ вообще, предусмотрителенъ и легко поддается первому побужденію, но опасеніе неминуемаго мщенія должно было нерѣдко удерживать готовящееся насиліе. Недостаточность этого охранительнаго средства обнаруживается изъ того, что человекъ сильный и принадлежащій къ могущественному роду могъ надѣяться на безнаказанность тамъ, гдѣ другой долженъ былъ непременно ждать возмездія.

Въ этотъ періодъ никакого различія между публичнымъ и частнымъ правомъ не могло быть, потому что не существовало раздвоенія между міромъ частныхъ и общественныхъ интересовъ. Каждый дѣйствуетъ не иначе, какъ членъ рода,

а отношенія одного рода къ другому носятъ характеръ международный. Всякая сдѣлка между членами одного рода привлекаетъ вниманіе всего рода, сдѣлка между членами разныхъ родовъ, какъ сдѣлка между самими родами, требовала участія послѣднихъ. Слѣдовательно всѣ отношенія носятъ характеръ публичный.

При данной картинѣ первобытныхъ общественныхъ отношеній у славянъ, совершенно излишенъ вопросъ, въ какой формѣ выражались нормы права, въ обычной ли только или же рядомъ съ обычаемъ существовалъ и законъ. Нѣкоторые находятъ возможнымъ утверждать, будто въ рассматриваемую эпоху уже существовало различіе между обычнымъ правомъ и закономъ. Въ доказательство приводятъ указанія лѣтописи: „имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ“, а нѣсколько ниже: „кому ждѣ языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи“ (П. С. Р. Л. т. I, стр. 6). Но второе мѣсто есть просто выписка изъ Григорія Амартола и не можетъ считаться характеристикой быта славянъ. Первое же мѣсто вовсе не представляетъ попытки отличить законъ и обычай, какъ разные формы права, иначе слѣдовало бы къ такимъ же юридическимъ формамъ отнести и „преданія“ и „нравъ“. Лѣтописецъ употребляетъ всѣ эти выраженія для обозначенія правилъ общежитія вообще. Рассматриваемая эпоха есть время исключительнаго господства обычая. Для отличія закона отъ обычнаго права недоставало законодательной власти, которая одна только и производитъ указанное различіе. Если бы даже удалось доказать существованіе въ этотъ періодъ писанныхъ нормъ права, это всетаки не оправдывало бы различія между закономъ и обычаемъ, а только создавало бы различіе между записанными и незаписанными нормами. Да и самъ лѣтописецъ употребляетъ довольно безразлично эти выраженія: „си же творяху обычаи Кривичи, прочіе поганіи, не вѣдуще закона Божія, но творяще сами себѣ законъ“ (П. С. Р. Л. т. I, стр. 6).

Такимъ образомъ, въ самую начальную эпоху славянскаго быта источники характеризуются тѣмъ, а) что выражаются исключительно въ формѣ обычая, б) что нормы права еще слабо выдѣляются изъ другихъ правилъ общежитія, и в) что обычаи отмѣчаются мѣстнымъ характеромъ.

На эту массу раздѣленныхъ общественныхъ группъ начинаютъ воздѣйствовать почти одновременно начало политическаго единенія, идущее съ сѣвера, отъ нормановъ, и начало культурнаго единенія, идущее съ юга, отъ грековъ. Князья, призванные сѣверными племенами, а потомъ распространившіе свою власть на всѣ прочія славянскія племена, впервые создали, благодаря своей дружинѣ, тотъ элементъ, который необходимымъ былъ для политическаго соединенія разобщенныхъ родовъ въ форму государственнаго союза. Особенно благотѣльнымъ оказалось первоначальное единокняжье, продолжавшееся почти 200 лѣтъ. До сихъ поръ политически самостоятельные роды вошли въ составъ болѣе обширнаго соединенія на положеніи частныхъ лицъ. Рядомъ съ ихъ обособленными частными интересами создались общіе всѣмъ родамъ интересы политическіе, военные, торговые. Явилось сознаніе единства русской земли: это ясно обнаруживается и въ лѣтописи и въ словесной литературѣ, какъ Слово о полку Игоревѣ. Такое же объединяющее культурное вліяніе имѣло принатіе христіанства.

Это обстоятельство должно было вызвать ослабленіе партикуляризма обычаевъ и усиленіе элемента общности въ нихъ. Сближеніе членовъ разныхъ родовъ въ походахъ, въ торговыхъ экспедиціяхъ, въ городахъ, которые увеличились числомъ и численностью населенія, на многочисленныхъ вѣчахъ, при передвиженіяхъ дружины, должно было способствовать уравниенію правилъ общежитія, смягченію ихъ мѣстныхъ особенностей. Князья, призванные „судить по праву“ и достаточно сильные, чтобы заставить уважать судебныя рѣшенія, благопріятствуютъ большому отдѣленію нормъ права отъ другихъ правилъ общежитія, а это въ свою очередь облегчаетъ процессъ правового объединенія. Въмѣстѣ съ тѣмъ князья считаютъ себя въ правѣ создавать самостоятельно нормы, т. е. проявляютъ, хотя и слабо законодательную дѣятельность.

Яркимъ выразителемъ объединительныхъ тенденцій является Русская Правда, въ которой мы имѣемъ первый источникъ русскаго права, получившій примѣненіе въ русской землѣ и создавшій на долго основу дальнѣйшаго развитія русскаго права, не смотря на послѣдующую утрату единства источниковъ. Памятники болѣе ранніе, договоры съ греками, не могутъ считаться выраженіемъ русскаго права. Это акты

международные, имѣющіе свою цѣлью опредѣлить поведеніе безпокойныхъ руссовъ въ предѣлахъ Греціи, въ отношеніи къ грекамъ. При несомнѣнномъ вліяніи болѣе образованныхъ грековъ на составленіе договоровъ, послѣдніе могутъ служить весьма ненадежнымъ указателемъ древняго русскаго права. Источниками же права они, конечно, никогда не были.

Русская Правда представляетъ собою замѣчательный историческій памятникъ. Она создается въ то время, когда только образуется русское государство, характеризуя самый начальный правовой порядокъ. Русская Правда дошла до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшій относится, можетъ быть, къ концу XIII вѣка. Изъ этихъ списковъ обнаруживается существованіе первоначальнаго, основного текста (первыя 17 статей краткой редакціи), который позднѣе постепенно пополнялся измѣненіями, дополненіями, сводками. При всемъ его историческомъ значеніи, этотъ памятникъ оставляетъ открытыми существенные вопросы. До сихъ поръ продолжаетъ быть спорнымъ, кто, когда, гдѣ, зачѣмъ и какъ составилъ Русскую Правду.

Историческое преданіе приписываетъ составленіе Русской Правды великому князю Ярославу, что и обнаруживается изъ встрѣчающихся иногда заглавій: Уставъ великаго князя Ярослава. Въ Новгородской лѣтописи, подъ 1016 годомъ, рассказывается, что Ярославъ, въ благодарность за оказанную ему новгородцами помощь, „отпусти ихъ домой и давъ имъ правду и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамотѣ ходите, яко же писахъ вамъ, тако держите“. Конечно Русская Правда не содержитъ въ себѣ льготъ для новгородцевъ, но, можетъ быть, льготы были даны вмѣстѣ съ Правдою, что подтверждается сопоставленіемъ съ Никоновскою лѣтописью пощъ 1033 годомъ („по сей грамотѣ дайте дань“).

Въ настоящее время отрицается официальное происхождение Русской Правды и господствующее мнѣніе признаетъ въ ней только частный сборникъ. Въ доказательство приводятъ слѣдующія соображенія. а) Въ Русской Правдѣ о великомъ князѣ Ярославѣ говорится въ третьемъ лицѣ, что совершенно не соответствовало бы официальному ея происхожденію. Противъ этого доказательства можно сказать слѣдующее. Ярославу можетъ быть приписана Русская Правда въ видѣ первыхъ